

Надутый, точно задетый пальцем лягушонок, Тун Хуайцин проголодался и решил не связываться с этим типом.

Хотя взгляд у того был явно с подвохом.

Но поскольку чувствовал за собой вину, Тун Хуайцин просто сделал вид, будто ничего не замечает.

Чи Е валился с ног от усталости. Он провел с Тун Хуайцином одни непрерывные сутки, толком не присев и на минуту. Утром у него снова не вышло приготовить детям завтрак. Чэнь Сяньян отнесся к этому спокойно, а вот Чи Ино осталась в полном восторге, заявив, что готова есть уличные булки с куриными ножками хоть три дня подряд.

В пятницу утром уличные лотки с завтраками встретили их аппетитным паром.

Возвращаться на кухню Чи Е категорически не хотелось. Возле забегаловки под открытым небом стояло несколько маленьких квадратных столиков. В меню числились соевое молоко, хрустящие хворостины-ютяо, пшённая каша, баоцзы, овощные рулеты и редьковые пирожки. Тун Хуайцин уселся на низкий круглый табурет с явным стеснением — к такой приземистой мебели он привыкнуть не мог.

Чи Е сладко зевнул, выудил из подставки две пары деревянных палочек, обдал их кипятком и привычным жестом выплеснул воду прямо на цементную мостовую. Крутившаяся неподалеку дворняжка, выпрашивавшая еду, испуганно поджала хвост и отскочила в сторону.

— Ой, проглядел тебя, — Чи Е обернулся и махнул рукой хозяину: — Добавь-ка ещё парочку варёных яиц!

— Сделаем!

Вскоре на стол поставили две пиалы со свежесваренным соевым молоком. От пиал валил густой пар. Чи Е зачерпнул железной ложкой немного сахара, бросил в молоко и взялся за ютяо. Для голодного желудка ранним утром это было самое лучшее лекарство. А маленькие парные баоцзы хозяева лепили сами: начинка из сочной нежирной свинины с зелёным луком пропитывала тонкое тесто ароматом. Укусишь такой — и во рту разливается сочная сладость, а если обмакнуть в укус, то от вкуса и вовсе кружится голова.

Тун Хуайцин тихо, с наслаждением вздохнул.

На душе стало тепло и сытно.

Чи Е тем временем очистил яйцо и положил перед Тун Хуайцином. Затем очистил ещё два и скормил их крутившемуся рядом псу, а уже потом взялся за своё. Глядя на сонную,

разнеженную мину Тун Хуайцина, он улыбнулся:

— Вкусно?

— Пойдёт, — с подчеркнутой сдержанностью отозвался тот. — Для утра — вполне неплохо.

Ещё бы не неплохо: домашняя, горячая стряпня — что школьнику, что взрослому служащему такая пиала возвращает вкус к жизни.

Скушав яйца, дворняжка принялась вилять хвостом перед Чи Е. Белая шерсть пса сбилась в грязные колтуны, а под круглыми глазами темнели красноватые слезные дорожки. Уходить собака не хотела и всё кружила под столом.

— Ты ему понравился, — проговорил Тун Хуайцин.

— В дом не возьму, — усмехнулся Чи Е.

Объяснять причины он не стал, а Тун Хуайцин уже доел свою порцию. Остатки еды Чи Е быстро подобрал сам, после чего лениво поднялся и помахал собаке рукой:

— Ну давай, браток.

Тун Хуайцин пошел следом, наблюдая, как бродячий пёсик, склонив голову набок, проводил их взглядом, а затем развернулся и снова принялся искать съестное возле лавки.

— А я думал, — тихо произнёс Тун Хуайцин, — ты всех подряд к себе тащишь.

Чи Е уже толкнул калитку дома. От усталости он силой оттер лицо ладонями:

— Нет... Таких малышей... В общем, забудь.

Век у них короткий.

А расставаться потом слишком больно.

Тун Хуайцин немного взбодрился, а вот Чи Е засыпал на ходу. Превозмогая сонливость, он добрался до душа, ополоснулся, обернулся полотенцем и рухнул на кровать. Спину он толком не вытер, и на коже ещё блестели капли воды. Дверь в спальню осталась распахнутой. Тун Хуайцин посмотрел на него и бесшумно прикрыл створку.

Он вышел во двор. В разрезанной автомобильной покрывке пышно цвели розы, а рядом, по всей стене, плелась жимолость. На самодельную скамью упало несколько жёлтых листьев. Тун Хуайцин смахнул их, присел и отлепил пластырь с левой руки, разглядывая крошечную отметину от иглы.

Тыльная сторона ладони почти не болела. Его чувствительность и капризы чаще всего происходили от бессилия перед аллергией: стоит погоде слегка похолодать, как во время капельницы суставы выкручивает от холода раствора, а в венах появляется тупая боль. По хорошему, бабье лето только началось, и греть медицинский шланг вовсе не требовалось.

Но проснувшись утром, он первым делом увидел возле руки стеклянную бутылку.

Она была наполнена горячей водой. Он тогда осторожно дотронулся до неё пальцами.

Здесь, в самом глухом тупике переулочка, шум машин с улицы не долетал. Лишь изредка раздавалось пение петухов — это старики из соседних домов специально держали пестрых кур, чтобы домашними яйцами кормить внучек.

Подставив лицо прохладному осеннему ветерку, Тун Хуайцин дотянулся до длинного виноградного побега.

Чи Е вечно вешал себе в рот эту дрянь.

Кислятина, да ещё и вяжет.

Но пожевав стебель некоторое время, Тун Хуайцин внезапно почувствовал еле уловимую сладость.

И сам не заметил, как заснул прямо на скамейке.

Дыхание его стало ровным и глубоким.

Спустя неизвестно сколько времени его разбудил шум.

Тун Хуайцин сидел, прижавшись к спинке стула, голова его съехала набок, на щеке отпечатался красный след от деревянной рейки, волосы взъерошились, а в кулаке он всё ещё крепко сжимал обрывок виноградного стебля с закрученными усиками.

Попался с поличным.

Чи Е наклонился к самому его лицу:

— Эй, ты же говорил, что он кислый?

Тун Хуайцин поправил осанку. От такой позы затекли поясница и спина, отозвавшись тупой болью, но лицо его оставалось непроницаемым:

— Я просто так держу.

— Ты ж заснул, — хмыкнул Чи Е.

— Вовсе нет. Я задумывался.

— Да у тебя возле губ отпечаток соплей, — Чи Е расхохотался так, что его широкие плечи затряслись. — Точно поросенок.

Лягушонок, поросенок... Тун Хуайцин с каменным лицом поднялся и пошел умываться. Что за дурацкие сравнения, ни одного человеческого слова.

Наступил полдень, дети скоро должны были вернуться из школы. Чи Е отлично выспался, прогнал всю усталость и теперь в прекрасном расположении духа хлопотал на кухне, напевая какой-то фальшивый мотивчик и собираясь варить лапшу.

Тун Хуайцин немного помялся, а затем пошел следом — помогать.

Подумаешь, яйца разбить.

Главное — незаметно выловить скорлупу.

С улицы донесся трезвон велосипедных звонков. Школьники со смехом и криками мчались по домам. Чи Ено еще не успела переступить порог, а её звонкий голос уже разнесся по всему двору:

— Бра-а-ат!

Чэнь Сяньян бежал за ней и тоже орал:

— Бра-а-ат!

У Чи Е заломило в висках. Он хлопнул Тун Хуайцина по плечу:

— Иди ты. Они точно к тебе.

Дети были простыми и прямодушными, а потому ужасно переживали: почему это брат Тунтун собирался уезжать, а в итоге вернулся, да еще и с температурой?

Чи Ино затянула было привычную песню, но осеклась на полуслове. Она замерла и хлопала глазами, не роняя больше ни звука.

Тун Хуайцин стоял под навесом крыльца и с мягкой улыбкой смотрел на них.

Вокруг буйствовали цветы, осенние краски горели ярко, словно алые клёны.

Но всё это померкло.

Тун Хуайцин даже не прихорашивался, после болезни он выглядел бледным, и губы его не успели налиться цветом, но эта улыбка оказалась настолько ослепительной, что затмила и жимолость, и спелые гранаты. В маленьком дворике не осталось ничего, кроме Тун Хуайцина с его лучистыми, чуть прищуренными глазами.

Убийственная красота.

Чэнь Сяньян опомнился первым и радостно подбежал:

— Брат Тунтун, ты как? Тебе лучше?

Тун Хуайцин слегка наклонился:

— Намного лучше, спасибо тебе.

Чи Ино внезапно смутилась. Когда Тун Хуайцин сам заговорил с ней, она лишь испуганно кивнула, развернулась и стрелой умчалась в дом. Девочка выудила из портфеля железный пенал, разглядывая наклеенные на крышку фотографии гонконгских звёзд. Но все они казались ей куда менее красивыми, чем брат Тунтун. С хлопком закрыв пенал, она сбежала по лестнице и юркнула на кухню к старшему брату.

Чи Е сидел на табурете и перебирал фасоль. Заметив сестру, он бросил ей небольшой помидор.

Чи Ино поймала его, но есть не стала, а просто прижалась к плечу брата.

— Чего ты? — Чи Е косо посмотрел на неё. — Случилось чего?

Девочка приложила ладонь к груди:

— Брат, у меня тут всё прямо тук-тук-тук стучит!

Чи Е не прерывал работы:

— Вот если перестанет стучать, тогда точно беда.

— Ой, да ну тебя! — Чи Ино топнула ножкой. Вглядываясь в одинарное веко и четкую линию челюсти брата, она внезапно произнесла с досадой: — Брат, ну почему ты такой смуглый, а?

Чи Е аж поперхнулся от неожиданности:

— Я на солнце загорел!.. И вообще, чем тебе моя кожа не угодила?

— Да нет, — снова топнула Чи Ино. — Брат, а ты как думаешь, брат Тунтун красивый?

Чи Е задумчиво почесал подбородок:

— Ну... Нормальный. А что...

Стоп.

Он резко вытаращил глаза. Вот тебе на! Неужели у малолетней сестренки проснулись первые романтические бредни?

В семье Чи в любовных делах все были дуб дубом, развивались поздно и соображали туго. В своё время, когда сверстники Чи Е уже крутили первые тайные романы, он лишь хохотал над ними, считая это забавным дурачеством.

И с чего это Чи Ино так резко совершила подобный прыжок?

— Я правда... у меня прямо сердце замирало, когда я на него смотрела, — всё ещё краснея, прошептала Чи Ино.

Чи Е с самым серьезным видом отложил фасоль:

— А когда у тебя в прошлый раз так сердце замирало?

Чи Ино честно задумалась:

— Вчера. Когда я успела купить самый последний бублик с куриной ножкой.

Чи Е вздохнул, подгреб к себе фасоль и продолжил работу:

— Понятно...

Значит, девчонка просто засмотрелась на красивое лицо, вот сердце разок и ёкнуло.

Дело житейское.

— Брат, — Чи Ино уткнулась носом в его плечо. — Когда я вырасту, я себе парня тоже красивого найду.

Чи Е лишь неопределенно угукнул, не желая вникать в эту болтовню.

— И чтоб белый был, а не смуглый, как ты.

Чи Е не выдержал, щелкнул её по лбу и отобрал помидор обратно. Засунул себе в рот и подумал, что зря растил эту козу — никакого уважения.

Раскусил — и поморщился: тьфу ты, кислятина какая.

Вечером, покончив с ужином и радуясь, что Тун Хуайцин вернулся, Чи Е достал кувшин с жёлтым вином. Это был подарок бабушки Яня, на который Чи Е облизывался уже несколько дней.

Домашнее вино разливали в белые пластиковые канистры. Стоило с треском открутить плотную красную крышку, как по помещению разнесся густой, пьянящий аромат.

Вино было чистое, зерновое, сваренное из гаоляна и проса. Настоящий его сезон наступал зимой, когда вся семья усаживалась вокруг жаровни, на углях грелся глиняный кувшин, и горячий напиток разливали по пиалам. Выпьешь такую — и по телу разливается благодатное тепло.

Чи Е ушел на кухню, а Чэнь Сяньян уцепился за дверной косяк:

— А нам можно попробовать?

— Ждите сидите, — со смехом прогнал его Чи Е. — У этого пошла затяжной хмель, с ног свалит.

Хмель действительно был забористый, но домашнее вино тем и хорошо: сколько ни выпей, наутро голова чистая.

Чи Е любил это дело, да и грел вино с размахом — поставил кастрюлю прямо на угольную печь и вылил туда добрую треть канистры. Из печи с треском вылетали искры. Чи Ино из комнаты закричала:

— Брат, как вкусно пахнет!

Даже маленькие воробьи слетелись на этот запах — штук пять или шесть уселись на ветку граната, недоуменно поворачивая головки и поблескивая бусинками глаз.

Но даже им ничего не перепало.

Даже Тун Хуайцин не удержался от легкой улыбки, наблюдая, как дети хвостиком ходят за Чи Е, а густой аромат подогретого вина заполняет весь дом. Но на стол Чи Е поставил только две пиалы.

Густо-синие, размером с хорошую ладонь — внушительная посуда.

Над тихим двориком плыла прохладная осенняя ночь.

Когда вино разлили, оно оказалось янтарно-желтым, над пиалами поднимался тонкий белый пар. Чи Е подвинул одну пиалу Тун Хуайцину, а затем обмакнул палочку для еды в жидкость:

— На, мелюзга, можете лизнуть по разу.

Чи Ино возмущенно заверещала:

— Брат!

В уезде Аньчуань действительно любили жёлтое вино — и старики, и дети. Особенно на Новый год, когда все от мала до велика могли осушить по глубокой пиале, а потом сладко спать до самого утра.

Чэнь Сяньян спорить не стал: подставил язык, попробовал вино и тут же зажмурился, сдувая воздух сквозь зубы.

Чи Е строго следил за порядком и больше детям выпить не дал.

Как бы те ни канючили.

Чи Ино обиделась, не стала больше лизать палочки и ушла в гостиную смотреть телевизор. Там как раз крутили «Сияющий Чжу Бацзе». Чэнь Сяньян, услышав знакомые позывные, увязался за ней. В результате во дворе остались только двое взрослых да стайка любопытных воробьев.

Наконец наступила тишина.

Ветерок шевелил тени, лунный свет ложился мягкими полосами. Чи Е чокнулся пиалой с Тун Хуайцином:

— Попробуй.

Тун Хуайцин без колебаний сделал солидный глоток.

И тут же закашлялся.

Чи Е похлопал его по спине, усмехаясь:

— Да никто у тебя не отнимает. Пить-то умеешь?

Дело было не в этом.

В обществе Тун Хуайцину приходилось пить и шампанское, и дорогие винтажные вина. Хмелел он трудно, на ногах держался крепко, а в состоянии легкого опьянения сохранял абсолютную ясность ума. Просто он привык к тонким хрустальным бокалам, а тут впервые в жизни пил из глубокой глиняной пиалы — и невольно подражал персонажам из исторических сериалов.

В тех фильмах, когда герои братались перед восстанием, они всегда пили именно из такой посуды.

Прокашлявшись, Тун Хуайцин одарил его сердитым взглядом:

— Издеваешься?

Чи Е всё ещё улыбался, потянувшись к его пиале:

— Ладно-ладно, ты же только после болезни...

Тун Хуайцин перехватил пиалу — она всё ещё обжигала пальцы — и залпом осушил её до дна.

А старик Янь не соврал!

И впрямь чудесное вино!

Густое, мягкое, горячее, с легкой сладкой ноткой. Полпиалы — и все невзгоды улетучиваются. Плотный хмель ласково гладит каждую пору тела, снимает ломоту в мышцах, и от самого низа живота до самого сердца разливается благодатный, умиротворяющий жар.

— Ого, — Чи Е удивленно приподнял бровь. — Ну тогда и я отставать не буду.

Щеки Тун Хуайцина пылали, но разум оставался светлым. Появился лишь легкий, приятный азарт — он даже поднялся и сам долил Чи Е еще вина.

Из гостиной донесся досадный вопль Чи Ино, а следом показалась голова Чэнь Сяньяна:

— Брат, всё нормально! Это Маленькая Драконица сейчас превратится в источник, вот Ино и плачет!

Приближался праздник Середины Осени, луна наливалась полной силой, ночное небо казалось темно-синим бархатом. Чи Е и Тун Хуайцин попивали горячее жёлтое вино и неторопливо лениво перебрасывались фразами. О чём они говорили — бог его знает, каждый вел свою мысль, но кастрюля быстро опустела. Чи Е накрыл пиалу Тун Хуайцина ладонью:

— Хорош. У этого вина хмель коварный, завтра с больной головой встанешь.

Лицо Тун Хуайцина стало совсем алым. Он медленно моргнул и внезапно улыбнулся.

Чи Е мысленно выругался: всё, готов юноша.

Он собирался подняться и сходить на кухню за антипохмельным отваром, но Тун Хуайцин мёртвой хваткой вцепился ему в рукав и дернул назад. А потом еще и хлопнул ладонью по столу:

— Налей еще!

— Завтра допьем, — Чи Е попытался отцепить его пальцы. — Голова лопнет.

Да что там Тун Хуайцин — у самого Чи Е в голове приятно шумело. Зять дедушки Яня привез тестю действительно знатный продукт, без обмана.

Тун Хуайцин плеснул остатки напитка в обе пиалы и сам чокнулся с пиалой Чи Е. Вино уже

остыло, на вкус отозвалось лёгкой горчинкой, от которой у Тун Хуайцина защедало в уголках глаз. На ресницах выступила влага.

Чи Е посмотрел на него — и внутри у него почему-то ёкнуло.

Из гостиной всё ещё доносились всхлипывания Чи Ино. Из телевизора звучали финальные реплики сериала: Братец Свин и Маленькая Дракониha сидели обнявшись и смотрели на салют.

«Почему всё самое прекрасное держится так недолго?»

«Если эта красота останется в сердце, она будет жить вечно. Я права, Братец Свин?»

Забавно: глухая ночь, а где-то неподалеку всё ещё кричат петухи.

Тун Хуайцин прикрыл глаза, не желая слушать эту чепуху, но реплики всё равно долетали до слуха.

«Ты меня любишь?»

«Люблю!... Пообещай мне, что больше не прольёшь ни единой слезинки...»

Тун Хуайцин поднял руку и смахнул влагу со щеки.

Чи Е молча допивал своё вино, не поднимая глаз.

Когда в пиалах не осталось ни капли, Тун Хуайцин произнес мягким, слегка охрипшим голосом — в нем прозвучала отчетливая, почти детская капризность:

— Вкусно... Хочу еще.

Чи Е забрал у него посуду:

— Хватит. Марш спать.

Оба хороши — лица горят, как в огне.

Тун Хуайцин уставился на него пристальным, прозрачным взглядом. Этот взгляд точно крючком зацепил сердце Чи Е, заставляя его колотиться всё быстрее.

И отозвался тупой болью где-то под рёбрами.

— Ты меня любишь? — внезапно спросил Тун Хуайцин, в точности повторяя слова из телевизора.

Кадык Чи Е дёрнулся:

— Перебрал — так дуй в кровать, нечего тут концерты устраивать.

Пьяные способны на всё что угодно.

Чи Е уже пожалел, что открыл этот кувшин. Сердце выскакивало из груди. В таком состоянии на свежий воздух выходить нельзя — наутро голову не поднимешь от боли.

Тун Хуайцин с улыбкой качнул головой:

— Ну да... Ты меня не любишь.

— Меня вообще никто не любит.

Ночной ветер качнул ветви жимолости, проливая на дворик тихий шёпот листвы.

Тун Хуайцин вздохнул — длинно так, протяжно:

— Правда... Никто-никто меня не любит...

Чи Е поднялся и подошел к нему, намереваясь силой отправить парня спать. Но Тун Хуайцин даже не посмотрел на него — лишь хлопнул обеими ладонями по столешнице:

— Ха-ха!

— Ну и дурак же ты, — с досадой вздохнул Чи Е, собирая со стола посуду. Нашли время бредить — то Царь Обезьян у них банан украл, то Чжу Бацзе с драконами обнимается. — Пошли, хоть лицо ополоснешь.

Внезапно прохладные, тонкие ладони обвили его шею.

Словно кошачья лапка царапнула по самому сердцу.

Чи Е замер. На него напал такой дикий, неконтролируемый страх, что он даже не решился посмотреть Тун Хуайцину в лицо. Что за чертовщина? Они стоят так близко, его держат за шею, а у него нет сил даже оттолкнуть его.

— Тебе же всё равно, да? — прошептал Тун Хуайцин. Глаза его были подёрнуты хмельной дымкой, губы алели, точно спелая ягода. — Я же мужчина... Так полюби и меня тоже... Да кто угодно, пусть хоть кто-нибудь меня полюбит, а?

Он капризно, совсем по-детски пробормотал:

— Ну пожалуйста...

И подавшись вперед, касательно поцеловал Чи Е в губы.

Это был совсем чистый, невесомый поцелуй — так ластится детеныш зверька, пытаясь привлечь внимание сородича.

Даже ветер утих.

Во дворе воцарилась звонкая тишина.

Оба пьяны. Оба творят глупости.

Чи Е не шевелился, продолжая тяжело и мрачно смотреть на него:

— Я кто?

Тун Хуайцин наклонил голову, на мгновение задумался и смущенно улыбнулся:

— Чи Е...

— Тогда объясни: что значит «кто угодно», а?

Чи Е сжал его подбородок. Его широкая, жесткая ладонь надавила так сильно, что Тун Хуайцин тихо ахнул от боли. Уголки его глаз вспыхнули кумачом, а из-за слез взгляд совсем затуманился, не позволяя разглядеть выражение лица напротив.

И хорошо, что не мог разглядеть.

Иначе этот маленький пьяница моментально бы протрезвел от ужаса.

<http://bllate.org/book/19966/1985879>